

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

О.Л. ЯРЕМЕНКО, д.э.н., профессор,
 Национальный банк Украины,
 А.М. КРАСНОГОЛОВЕЦ,
 Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

ТРАНСАКЦИОННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ

Глобализация как социально-экономический феномен представляет собой для науки новый объект, требующий определенных коррекций в теоретическом инструментарии. Однако роль методологического обоснования исследований глобальной трансформации сегодня недооценивается, что объясняет отсутствие более или менее целостной логической картины происходящих процессов. Если оценить динамику теоретических представлений о сущности глобализации, то можно заметить, что экономическая наука пока еще не может считаться лидером среди всех социальных наук.

Максимизация полезности и свободный рациональный выбор как модели поведения допускают бесконечно большое множество вариантов развития глобальной переходности, что ни в коей мере не может удовлетворить социальный запрос современности. Более или менее результативной может оказаться равновесная трактовка процессов финансовой глобализации, которая придает механизму рационального распределения ресурсов глобальный характер [См.: 4].

Социально-институциональное направление, включая такой его вариант, как эволюционная экономика [см. напр.: 8; 9], дает удовлетворительную трактовку исторических институциональных и технологических предпосылок глобализации, но мало что может дать для решения задачи прогнозирования будущего устройства глобальной хозяйственной системы.

Новая институциональная школа [см.: 1; 6] помогает понять причины актуализации некоторых давно известных форм хозяйственного устройства, например, сетевых структур. Однако фиксация сетевых

оснований глобализации не дает возможности оценить их перспективу: станут ли они одной из основных несущих конструкций глобальной экономики или же «уйдут в основу», на которой сформируется новое, более сложное и богатое содержание.

Для экономиста-теоретика, занятого поисками новых инструментов анализа, преимущества политологического и социологического подходов к пониманию сути и перспектив глобализации заключается в том, что, во-первых, они в чем-то свободны от методологических пережитков «экономизма», а, во-вторых, привыкли иметь дело с развивающимся и ускользающим предметом исследования. Высокая способность к фиксации нового у политологов и социологов предопределена их специфической социальной функцией, привязанной к необходимости улавливать и объяснять перемены. Тенденции глобализации не только на уровне внешней динамики, но и на уровне фундаментальных изменений получили отображение и первичную теоретическую проработку в работах М. Кастельса, И. Валлерстайна, Л. Тевено, Ф. Фукуямы и др. [См. напр: 5, с.281-285].

Таким образом, приращение теоретического знания о глобализации наблюдается там, где исследовательская программа максимально открыта для фиксации неожиданных и непредвиденных процессов и явлений. Экономическая наука пока еще не смогла увидеть свое новое в глобализации, и поэтому вынуждена пользоваться подделками других социальных наук.

Это не случайно, если учесть, что способность видеть и предвидеть принци-

© О.Л. Яременко, А.М. Красноголовец, 2008

пиально новое не характерна для парадигмы, а парадигмой экономической науки до сих пор является равновесная парадигма [см.: 2]. Эвристические возможности данной парадигмы наилучшим образом проявляются в анализе равновесной стабильной системы. Долгосрочное неравновесие системы сразу уводит ее в ту область, где парадигма в лучшем случае способна вырабатывать тривиальные рекомендации, соответствующие здравому смыслу. Это свидетельствует о необходимости определения рамок глобализации как предметной области анализа [см.: 7, с.65-69]. Если явление не имеет рамок (границ), то его нельзя изучать. Определение предмета означает логическую фиксацию его пределов

В этом смысле важно отметить, что глобализация есть процесс изменений. Все, что остается неизменным, не может считаться глобализацией. Глобализация ограничена во времени и пространстве. Институциональные рамки изменений можно выявить, четко зафиксировав более или менее стабильные элементы устройства мировой хозяйственной системы. Если явление существовало задолго до глобализации, оно не может считаться входящим в круг явлений, подлежащих исследованию. Сложность такого подхода связана с такой объективной трудностью, как затруднения с установлением меры стабильности. Ведь в институциональном устройстве хозяйственной системы абсолютной стабильности, как правило, не существует.

Неустойчивость социального контекста развития современных познавательных процессов, проблемы с идентичностью субъектов порождают особую научную ситуацию методологического сдвига, когда резко расширяется спектр доступных инструментальных альтернатив (общая теория систем, синергетика, социальная термодинамика, инструменты социально-психологического анализа и т.д.) на фоне разрушения традиционных рамок предмета науки. Инструментов много, но не сформированы критерии их корректного использования.

Как было показано в свое время в экономической литературе, само понятие

экономического в этих условиях становится размытым и неопределенным, поскольку даже такая классическая экономическая задача как оптимальное распределение ограниченных ресурсов подвергается своего рода «переформатированию»: критерии оптимальности либо «уходят в основу», либо настолько модифицируются, что принимают форму своей противоположности. Политические, этнические, социально-психологические факторы, которые в спокойном состоянии социума влияют на экономику лишь в конечном счете, обязательно проходя через ряд собственно экономических опосредований, через экономические интересы, в условиях фундаментальной переходности прорываются в хозяйственную систему в своем чистом виде, в силу чего экономика уже перестает быть только экономикой. В переходной системе основные сферы общественной жизни перемешиваются, поэтому и метод постижения такой системы тоже несет в себе черты чего-то временного и переходного.

Та картина глобальной экономики, которая является типичной для современных экономико-теоретических подходов, представляет собой конгломерат описательных конструкций и распространения на них (с учетом глобального масштаба) уже имеющихся теоретических моделей интернационализации мировой экономики. В результате экономическая наука накапливает более или менее упорядоченный теоретический материал, который еще не нашел своего места в целостной картине глобальной экономической реальности.

Такое состояние науки является закономерным. Дело в том, что для трансформационных процессов фундаментального уровня характерны процессы социального «перемешивания», когда глубокие и древние основания социума поднимаются на поверхность, а поверхностные повседневные формы социального общения опускаются вниз, «уходят в основу». Этот процесс перемешивания и рекомбинации делает неактуальными сложившиеся представления о первичных и вторичных формах социального, на которых строятся теоретические модели экономической ре-

альности. Сегодня меняется «элементная база» глобального социально-экономического устройства, а не функциональные связи между элементами.

Исходным методологическим положением построения концептуальной модели глобализации может служить признание множественности и несводимости различных ее измерений. Такой феномен отчасти знаком исследователям, занимающимся теоретическим анализом рыночной трансформации в постсоциалистических государствах. Многомерность происходящих процессов вынуждала прибегать к описательному методу как предварительному этапу теоретического анализа. Такой предтеоретический подход является незавершенным, открытым и, скорее всего, обязательным этапом изучения развертывания множества конкурирующих сущностей.

Как было показано в свое время в экономической литературе [8], само понятие экономического в этих условиях становится размытым и неопределенным, поскольку даже такая классическая экономическая задача как оптимальное распределение ограниченных ресурсов подвергается своего рода «переформатированию»: критерии оптимальности либо «уходят в основу», либо настолько модифицируются, что принимают форму своей противоположности. Политические, этнические, социально-психологические факторы, который в спокойном состоянии социума влияют на экономику лишь в конечном счете, обязательно проходя через ряд собственно экономических опосредований, через экономические интересы, в условиях фундаментальной переходности прорываются в хозяйственную систему в своем чистом виде, в силу чего экономика уже перестает быть только экономикой. В переходной системе основные сферы общественной жизни интенсивно проникают друг в друга, поэтому и метод постижения такой системы тоже несет в себе черты чего-то эклектичного, временного и переходного.

В то же время описательный подход предполагает достаточно высокий уровень общей методологической культуры исследователя, знание исторических корней ме-

тодологии экономической науки, понимание социального контекста становления и функционирования теоретического знания, его относительности и открытости. В свое время Томас Кун дал классическое определение нормальной науки как социального феномена, являющегося обязательным элементом социально-институциональной системы, отвечающим в ней за теоретико-практическую рефлексию [2]. Экономическая наука также подвержена бремену нормальности, то есть соответствует внешней институциональной среде и в то же время определяет собственные внутренние критерии научности как инобытия нормальности. Воплощением этой двоякой нормы, внешней и внутренней, служит понятие «парадигма», которое чаще всего трактуют как дисциплинарную матрицу. В этой матрице социально-институциональное равновесие присутствует как фон или контекст.

Если же это равновесие утрачивается, то парадигма начинает испытывать внутренние деформации под воздействием изменяющихся внешних условий. Нарушается преемственность теоретического процесса, отдельные элементы научной традиции утрачивают не только свою актуальную познавательную функцию, но и перестают быть «знаком принадлежности» к данному научному сообществу. Логическая дисциплина теоретических исследований перестает быть обязательным критерием строгости и достоверности. Имеет место как бы деградация и вульгаризация научной продукции, за которыми скрывается поиск новых областей реальности, нуждающихся в теоретической проработке и осмыслении.

Это не случайно, поскольку на уровне базовых социальных структур разделение экономического, политического и социально-психологического является свернутым, неактуализированным. Перемены такого уровня, как глобальная трансформация способны влиять на эту древнюю социальную материю цивилизации. То, что экономисты традиционно считают внешним, поверхностным и вторичным, может оказаться напрямую связанным с глубин-

ными процессами развертывания социальных сущностей первого порядка. Возникает возможность усмотреть тенденцию, нарождающиеся элементы нового порядка. Переход и катастрофа позволяют гораздо глубже постичь роль фундаментальных связей и согласований в устройстве социально-экономической системы, чем это возможно в условиях статичного состояния. Если все в порядке, фундамент здания должен быть невидим.

Амартия Сен в книге «Развитие как свобода» отмечает: «Потребность в институциональном развитии напрямую связана с ролью поведенческих норм, поскольку институты, базирующиеся на межличностных договоренностях и одинаковом толковании вещей, функционируют на базе общих для всех поведенческих моделей, взаимном доверии и уверенности в этичности противной стороны. Уверенность в соблюдении правил поведения присутствует скорее на подсознательном уровне, и о важности этих правил забывают, когда уверенность в общих правилах не вызывает проблем. Но когда такая уверенность проблематична, недооценивание поведенческих правил может привести к катастрофическим последствиям» [см.: 3, с.290]. Именно эти катастрофические сдвиги и демонстрируют структуру фундаментальных оснований.

Методология исследования глобализации как развертывающегося процесса вынуждена носить теоретико-описательный характер, что допускает концептуальные компромиссы, спрямление логики, упрощение, элементы синкретизма и вульгаризации. Акцент на слове «допускает» означает, что такие недостатки метода нельзя возводить в принцип, с ними иногда можно мириться, но только до поры до времени, пока наука не сможет более или менее однозначно очертить новые рамки своего предмета и сформировать собственный метод его исследования.

Общая теории систем, синергетика, социальная психология, принципы релятивистского и нелинейного устройства мира не являются сами по себе методом экономической науки. Только тогда, когда теории четко укажут на объект и его свой-

ства, которые не могут быть объяснены и спрогнозированы без привлечения каких-то общенаучных методов, эти методы станут частью теоретической модели экономической реальности, то есть станут составной частью методологии экономической науки. И нельзя сказать, станут ли они важной, очень важной или вспомогательной частью этого собственного метода. Мера их важности будет задаваться самим предметом науки. Пока же этого нет, экономическая наука не застрахована от того, что бы время от времени не становиться жертвой очередной методологической моды, преувеличения, конъюнктуры. Какой-то гарантией от слишком серьезных последствий и заблуждений таких зигзагов является обязанность ученых-экономистов говорить об экономике и говорить экономическим языком.

Поиски области нового заставляют еще раз обратить внимание на недооцененные инструменты моделирования глобальных трансформаций. На наш взгляд, к числу таковых можно отнести и транзакционный подход.

Развивая этот подход применительно к проблемам динамики фирменных и внефирменных структур рынка, О. Уильямсон обратил внимание на особую роль фактора специфичности активов. Последнюю он определил как особую ценность для выполнения данного контракта и невозможность их перепрофилировать для альтернативных целей (или для альтернативных пользователей) без потерь в их производственном потенциале [См.: 6, с. 689].

Каждый актив характеризуется своим институциональным микрополем, то есть теми нормами и программами, которые включаются всякий раз, когда актив начинает работать и включается в контрактные отношения: «Социальный контекст, в котором реализуются трансакции, - привычки, нравы, обычаи и т.п., - имеет значение, и, следовательно, его необходимо учитывать при анализе контрактов, осуществляемых в условиях разных культур» [6, с.60].

Привычность и общепринятость этих условий является предпосылкой доверия и

снижения трансакционных издержек в рамках единого локального институционального поля. Обратной стороны этого взаимного доверия является исключение чужих из круга потенциальных контрагентов, то есть своеобразный институциональный иммунитет данного локального рынка. По мнению О. Уильямсона, соответствие и постоянство взаимоотношений является важным фактором заключения и исполнения контрактов, предполагающих ограниченную рациональность и специфические активы [6, с.109].

Глобализация локальных рынков возможна только в том случае, когда она сможет подавить этот институциональный иммунитет – как на уровне систем, так и на уровне активов. Благодаря этому активы становятся более ликвидными (и менее доходными). Выходя в глобальное пространство, вы утрачиваете часть своих преимуществ как обратную сторону специфичности ваших активов, но расширяете поле доступных альтернатив.

Следует различать специфичность активов в зависимости от факторов (специфичность первого уровня, второго уровня и третьего уровня): всеобщая (технологическая), общая (институциональная), индивидуальная (целевая). Каждый уровень специфичности детерминирует свой уровень сети.

Понимаемая таким образом сеть может трактоваться как промежуточная форма организации производства, обмена, распределения и потребления. Именно в рамках сети модифицируется фактор специфичности активов. Сети могут представлять собой локальные рынки специфических активов, где фактор специфичности утрачивает свое актуальное значение. Это могут быть локальные рынки рабочей силы (например, рынок труда высококвалифицированных программистов, вузовских преподавателей и т.д.).

Сети не отменяют существующие типы рыночных структур, а сложным образом взаимодействуют с ними. Сети могут как расширяться, обеспечивая своим участникам существенную трансакционную экономию, так и вырождаться, уступая ме-

сто традиционным иерархиям рынка.

Таким образом, существенным трансакционным аспектом процессов глобализации является изменение рамок локализации ресурсов за счет подавления некоторых институциональных механизмов, регулирующих формирование и оборот специфических активов. Это стимулирует интенсивный процесс реструктуризации рыночного устройства путем распространения разнообразных сетевых образований на локальных, региональных и глобальных уровнях.

Глобализация не отменяет специфичность активов как одну из предпосылок гетерогенного усложнения социально-экономических структур, а переводит эту специфичность в новую плоскость, расширяя поле стратегических альтернатив. Последующий анализ социально-экономического содержания глобализации может основываться на последовательном раскрытии трансакционных механизмов снятия глобальной неопределенности функционирования и развития мировой экономической системы.

Литература

1. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики //Избранные труды. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике». – М.: Таурис Альфа, 1997.
2. Кун Т. Структура научных революций. – М. Наука. 1977. – 277 с.
3. Сен А. Развитие как свобода. – М.: Новое издательство. 2004 – 423 с.
4. Сорос Дж. 47 тезисов о глобализации // <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/challenge/thesis/>
5. Тевено Л. Организованная комплексность: конвенции координации и композиция экономических образований/ Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 680 с.
6. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. – СПб. Лениздат. – 1996. – 702 с.
7. Философия науки / Под ред. С.А.Лебедева. – М.: Триста, 2004. – 736 с.

8. Яременко О.Л. Переходные процессы в экономике Украины: институциональный аспект.– Х.: Основа. 1997. – 182 с.
 9. Technical Change and Full Employment. Edited by Christopher Freeman

and Luc Soete. Oxford. 1987.

Статья поступила в редакцию 25.12.2007

Т.Б. НАДТОКА, к.е.н., доцент,
І.В. БУЛАХ,
 ДВНЗ „Донецький національний технічний університет”

ОЦІНКА КОНКУРЕНТОСПРОМОЖНОСТІ ПІДПРИЄМСТВА ЕЛЕКТРОЗВ'ЯЗКУ

Проблема адекватної оцінки та забезпечення конкурентоспроможності підприємства у поточний час і в майбутньому є надзвичайно важливою в сучасних умовах господарювання. Для підприємства електрозв'язку ця проблема набуває особливої актуальності. В галузі спостерігається бурхливий розвиток, що призводить до появи нових технологій, послуг, змінює потреби споживачів щодо якості, номенклатури послуг. Лібералізація в галузі призвела до появи та посилення конкуренції. Продукцією, що надається підприємствами галузі електрозв'язку, є послуги, які відрізняються від матеріального товару.

Проведений аналіз праць вчених, в яких досліджувалися питання управління телекомунікаційними підприємствами: В.М. Гранатурова, В.М. Орлова, С.В. Войтко, Н.П. Резникової і ін., [1-8] показав, що висвітлюється лише окремі аспекти досліджуємої проблеми, а комплексний науково-методичний підхід щодо оцінки конкурентоспроможності підприємства та прикладні методичні рекомендації з використання результатів оцінки в системі управління підприємством електрозв'язку ще недостатньо розроблені.

Метою даної роботи є розробка методичних положень з оцінки конкурентоспроможності підприємства електрозв'язку та рекомендацій на її основі щодо вибору його конкурентної стратегії. Теоретичною та методологічною основою досліджень є наукові праці вітчизняних і зарубіжних вчених з проблем оцінки та забезпечення конкурентоспроможності підприємства.

Незважаючи на значну кількість досліджень, які присвячено конкурентоспроможності країни, галузі, підприємства, товару, деякі питання вимагають подальшої розробки, наприклад вдосконалення термінології, методу оцінки, систематизації факторів впливу [9].

Розробка методичних рекомендацій щодо оцінки конкурентоспроможності підприємства електрозв'язку виконана в такій логічній послідовності. По-перше, уточнено термінологію щодо конкурентоспроможності підприємства будь-якої галузі і запропоновано метод її оцінки, для якого розроблено математичну модель, побудовану на використанні апарату нечіткої логіки та нейронних мереж [10]. По-друге, адаптовано запропонований метод оцінки конкурентоспроможності підприємства електрозв'язку на підставі застосування факторів і показників, які враховують особливості галузі електрозв'язку, специфіку оператора електрозв'язку, період часу [11]. Розглянемо ці етапи детальніше. Авторами пропонується розділення поняття „конкурентоспроможність підприємства” на „тактичну” і „стратегічну” відповідно сфери застосування результатів оцінки при прийнятті підприємством управлінських рішень, уточнено поняття „конкурентостійкість підприємства”. Тактична конкурентоспроможність підприємства – це спроможність підприємства до ефективного функціонування в релевантному зовнішньому середовищі, займаючи певну конкурентну позицію в даний період часу.

© Т.Б. Надтока, І.В. Булах, 2008